

Внеклассные чтения

Савелий Куницын

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Савелий Куницын
Внеклассные чтения

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Куницын С.

Внеклассные чтения / С. Куницын — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Ученик и учительница... История встречи двух серостей, забившая фонтанами красок. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

*Нина Васильевна, посвящается Вам. Моей первой и
незабываемой...*

1

Когда листаешь дневник своего сына и видишь там по всем предметам «двойки» и «тройки», то это как бы и в порядке вещей. Ничего страшного, в принципе. Это лишь «двойки» и «тройки» – у всех так бывало. Даже у тебя самого.

Но когда ты видишь, что только по литературе у сына «4» и «5», это начинает тебя беспокоить. Да, это только «4» и «5», всего лишь цифры, абстракция, но это тебя начинает беспокоить. Потому что не у всех так бывало – так, чтобы по всем предметам «двойки» и «тройки», а по литературе – «четвёрки» да «пятёрки». Не у всех. Только у тебя самого. И именно это тебя напрягает.

Твои собственные школьные годы – это самая серая полоса твоей жизни... Ничего необычного. Наверное, так было у многих: серая личность, на самых задворках школьного актива, всегда смотрящая в парту. Когда эту серую личность вызывают к доске, то она и двух слов связать не может... Стоит и смотрит в пол. Будто все ответы написаны где-то там, меж щелей в оранжевых досках пола.

Когда эту серую личность толстый учитель географии спрашивает на уроке: столица Венесуэлы? Она лишь стоит и молчит, эта личность.

На самом деле она знала столицу Венесуэлы и знала, куда ткнуть пальцем, чтобы получить пятёрку, но... Но очень уж робкой она была, эта серая личность.

Глаза – всегда в пол.

Когда эту серую личность стареющая учительница физики спрашивает: расскажи правило Буравчика? Она лишь молчит. Пусть она, эта серая личность, и знает правило Буравчика, это долбаное правило левой руки, но...

Сама серость, в общем...

Такая же серая, как асфальт в сухую погоду. Такая же серая, как алюминиевая ложка в советской столовой.

Такая же серая, как грязь под твоими ногтями...

И всё бы и шло таким чередом, если однажды у старой Марьи Ивановны – учительницы литературы – не приключился перитонит. Когда содержимое её желудка выплеснулось внутрь брюшной полости, её надолго уложили в больницу, а на должность преподавателя литературы взяли новую учительницу. Молоденькую. Почти молоденькую.

Это с высоты прожитых лет она кажется молоденькой, а тогда для парнишек-девятиклассников она казалась чуть ли не старухой. Ей было всего двадцать девять лет. Её звали Нина Васильевна...

Тогда-то всё и началось.

* * *

Ждёшь, пока жена исчезнет где-нибудь на кухне, заходишь к сыну в комнату и показываешь ему его же дневник, машешь им в воздухе и спрашиваешь: за какие заслуги такие оценки по литературе? В тебе проснулся Цицерон?

Сын несколько неуверенно смотрит на тебя, оторвавшись от монитора компьютера, где его персонажа – варвара с мечом – долбаёт могучий монстр с огромными когтищами.

– Сочинение хорошо написал, – неуверенно отвечает он, украдкой бросая взгляд на монитор, где его персонажа мутузят остервенелые твари подземелий.

– На какую тему? – спрашиваешь ты, продолжая держать дневник перед его лицом.

Сын смотрит на тебя как-то нерешительно. Он всегда так смотрит, но сейчас будто бы по-особому... Или просто это у тебя паранойя.

– О Некрасове... "Кому на Руси жить хорошо?", – тихо говорит сын и опять косится на монитор, где орды монстров уже почти втоптали его варвара в землю, отобрав всю энергию.

Тогда ты присаживаешься на диван, кладёшь дневник рядом и уже более спокойным тоном спрашиваешь: Почему с другими предметами так плохо? Когда подтянешься?

Некогда могучего варвара с тяжеленным обоюдоострым мечом разорвали в клочья, и игровой экран стал красным...

– Я исправлю все двойки, – тихо говорит сынулька, неуверенно мельком глянув тебе в глаза и вновь скосившись на пол.

Затем ты пытаешься ему объяснить, что это девятый класс. Что это очень важный класс. После него или в десятый, или в «фазанку», в ПТУ, а там только недоумки...

Всё это время сынулька смотрит в ковёр и молчаливо слушает. Он всегда такой, твой сынулька. Сама стеснительность. Таким же когда-то был и ты. Ты бы и сейчас таким остался, если бы не...

* * *

Силантьева Нина Васильевна была странной женщиной. Весьма экстравагантной. Люди, увлечённые литературой, проникшиеся поэзией Серебряного века, зачастую такие...

Даже сейчас, когда ты видишь идущую где-нибудь по городу женщину пенсионного возраста, в несуразно большой шляпе, в несуразных митёнках из чёрного атласа по самый локоть – то это вполне может оказаться она. Нина Васильевна.

Это теперь, с высоты прожитых лет, ты понимаешь, что у неё, как и у всех таких «артистичных» людей, имелось явное психическое отклонение. Весь её нестандартный образ – следствие странной психической патологии. Стремление копировать аристократический стиль, его пуританство, быть похожей на какую-то графиню или княжну – всё это проблёскивало даже в её старомодных очках и суровом взгляде.

То было время "Modern talking" и «Мираж». То было время джинсовых костюмов, «варёнок» и белых кроссовок. Обильно сдобренных тенями лиц и пышных причёсок. 1987-ый год...

Но ваша новая учительница литературы особняком стоит от своего времени. В старом твидовом костюме и строгих круглых очках она ходит вдоль парт, слушая, как какой-нибудь ученик декламирует у доски Твардовского, и строго постукивает указкой по своей левой ладони.

Поднимет указку – шлепок... Поднимет указку – шлепок... Поднимет – шлепок.

Ваш классный метроном.

Порой, когда ты осмеливаешься поднять глаза с парты, тебе доводится наблюдать покраснения на её левой ладони. Видимо, ей это доставляет удовольствие – такой вот вид самоистязания.

Прогуливаясь между рядами парт под убаюкивающие строки какого-нибудь стихотворения, зачитываемого очередным гнусавым ребёнком, она любила внезапно ткнуть указкой в сторону оказавшегося рядом ученика и очень сурово сказать: Читайте дальше.

Указка в сторону жертвы метается очень быстро. Одним резким движением кисти. Предплечье полностью недвижимо, стеклянные глаза смотрят вперёд – на пыльные полки с горшочками герани и портретами Лермонтова, Пушкина, Гоголя, а указка, словно гюрза в таджикских степях, молниеносно устремляется к лицу окаменевшего ученика и в миллиметрах останавливается у его удивлённого глаза.

Она очень театральная натура, эта Нина Васильевна. И при этом её глаза... Они заслуживают отдельного разговора. Такие стеклянные, смотрящие в пустоту... Даже когда Нина Васильевна смотрит прямо тебе в глаза, её взор всегда устремлён в далёкую пустоту. Это пугающее зрелище, надо сказать. Будто бы робот, облачённый в женскую оболочку. Причём, весьма стройный робот со всегда выгнутой спиной, будто бы в корсете, и узкой талией.

Парни перешёптываются на перемене: какая у неё жопа! Какие сиськи!

Именно тогда ты узнаёшь, что у новой учительницы – очень красивая фигура. Сам-то ты никогда женщинами не увлекался. Эротических журналов тогда ещё не было. Порносайтов – тем более. Впрочем, как и секса в Советском Союзе в целом. О том, как выглядит голая женщина, ты мог лишь строить приблизительные догадки по той бесформенной туше, которой была твоя мать – вечно улыбающаяся, вечно добрая и ранимая, готовая расплакаться в любой момент от всякого неверно сказанного слова.

Это теперь, с высоты прожитых лет, понимаешь, что ты весь пошёл в неё... Такой весь из себя стеснительный, замкнутый.

Таким ты был раньше, но эта Нина Васильевна... Она всё изменила...

Однажды она вызывает к доске тебя – стеснительного, зажато, забитого (вставь сюда миллион других прилагательных, которые ты знаешь, чтобы подчеркнуть максимально возможную серость). Ты выходишь к доске. Из-под ровно остриженных прядей волос, свисающих на твой прыщавый лоб, ты смотришь в пол и левой кистью сжимаешь правую, держа их обе на уровне своих гениталий, будто бы у тебя пенальти перед классом.

Ты должен читать стих Есенина... " Задремали звёзды золотые"... Ты должен читать, но ты стоишь и молчишь. Это была вторая неделя, как начала преподавать Нина Васильевна. Но тебя она вызвала к доске впервые. Весь класс, все двадцать пять ребят, они знали, что ты ни черта не скажешь. Что ты только простоишь пять минут впустую и ничего больше. Может, промычишь что-нибудь, но на этом всё и закончится. Тупик.

Ты бы мог быть идеальным разведчиком. В том случае, если бы тебя поймали, тебя пришлось бы долго пытаться. Да один чёрт ты всё равно бы ничего не сказал.

Этакий Павка Корчагин. Мальчиш-Кибальчиш... Стивен Хокинг.

Это знали все, но только не ваша новая учительница. Суровая дама с псевдоаристократической манерностью.

И вот, ты стоишь и молчишь... Чисто объективно – ничто не мешает тебе заголосить на весь кабинет:

– Читайте, Стебунов, – спокойно говорит Нина Васильевна, сидя у себя за столом и стеклянными глазами озирая класс.

Ты молчишь.

– Стебунов, – Стеклообразные глаза продолжают смотреть на парты с учениками, но ты явственно ощущаешь, что её периферическое зрение видит тебя с ног до головы: твои потёртые брюки школьной формы, твои немодные стоптанные кеды, твой школьный пиджак с короткими для тебя рукавами...

– Вы не выучили урок, Стебунов? – спрашивает Нина Васильевна холодно-спокойным голосом, в котором чувствуется скрытая угроза. А её глаза всё так же устремлены на шкафы в конце кабинета, на полках которых рядом с блекло-розовыми горшками герани торчат портреты Достоевского и Некрасова.

Ты молчишь. Она всё так же смотрит впереди себя, а на тебя – и бровью не ведёт.

– Да он всегда такой, – выкрикивает самый гиперактивный и улыбочивый ученик с одной из задних парт. – Всё время молчит.

Секундное молчание.

– Останетесь после урока, Стебунов, – холодно говорит учительница, глядя стеклянными глазами впереди себя.

Она сказала, и ты остался...

Деревянная указка резко опускается на твоё правое плечо. Почти больно. Даже через свитер.

– Почему такое отношение к литературе? – спрашивает Нина Васильевна, стоя перед тобой и своими стеклянно-пустыми глазами глядя прямо тебе в лицо.

Она давит на указку, которая покоится на твоём плече, всё сильнее.

Ты молчишь.

Само воплощение серости молчит.

– Я жду ответа, – говорит учительница холодным голосом и давит на указку ещё сильнее. Нажмёт ещё чуть-чуть и эта сраная деревянная палочка просто сломается.

Но ты продолжаешь молчать.

Тогда учительница убирает указку с твоего плеча и стучает ею по своей левой ладони.

– Литература – это цветок человеческой цивилизации, – говорит вдруг Нина Васильевна, пустыми, но широко открытыми глазами глядя на портреты Лермонтова и Пушкина у горшков с геранью. – Если все предыдущие достижения человеческой цивилизации – это лишь стебель, листья и бутоны, то литература, а особенно поэзия – цветки. Цветки человеческой цивилизации, человеческой мысли. Нет Н-И-Ч-Е-Г-О прекраснее, чем поэзия. Все эти рифмованные фразы в окончаниях строк – ведь это самые возвышенные порывы человеческой души, навек запечатлённые в словах.

В тот момент, при всей своей зажатости, закомплексованности, ты понимаешь, что у этой женщины не всё в порядке с головой. Она просто тронутая.

Если ты – это всего лишь сгусток комплексов, то она – это целая психическая патология.

Нина Васильевна – одна из тех учителей, что буквально «повернуты» на своём предмете. Считают его самым важным.

Важнее соли в супе. Важнее пальцев на руках.

– Так и будете молчать? – спрашивает она тебя, смотрящего прямо в парту.

– Я... – ты хотел что-то сказать, но язык ворочается медленно, а мысль уже ушла.

Тогда деревянная указка плавно поддевает твой склонённый подбородок и вынуждает его подняться вверх. Теперь твои глаза смотрят прямо в глаза учительницы.

Твои нерешительные в её – холодно-стеклянные.

Они совсем голубые, её глаза.

Ты смотришь в эти два омута и... Чёрт подери, наверное, это самый близкий контакт с женщиной в твоей жизни!

В общем, в тот момент ты «кончил». "Кончил" впервые в жизни.

К своим пятнадцати годам, ты ещё даже не знаешь, что такое мастурбация.

Трудно расти без старшего брата, который всему тебя научит и всё покажет.

Какой рукой и как сильно.

Ты помнишь лишь, как однажды в возрасте примерно шести лет лежал на полу в большой комнате и что-то рисовал. Твои мать и отец, они спокойно обсуждали необходимость приобретения земельного участка в какой-нибудь деревеньке неподалёку, чтобы овощи на столе были с собственной грядки.

Такая милая была обстановка: родители беседуют, ты рисуешь, лёжа на тёмно-бордовом паласе прямо на животе. Рисуешь какую-то херню. Ну, какую обычно рисуют дети... А пока ты лежишь на животе и иногда елозишь своими бёдрами в порывах творческого безумия, твоя маленькая пиписка начинает возбуждаться от соприкосновения с грубым паласом.

Тогда, возможно, это была первая эрекция в твоей жизни.

Во что ты был тогда одет, уже и трудно упомнить, но, скорее всего, во что-то типа каких-нибудь колготок «унисекс» цвета незрелого поноса, в которых тогда ходило всё маленькое население нашей необъятной Родины.

Пока ты малевал свой шедевр на тетрадном листке, твоя пиписка чуть-чуть привстала.

Ты ещё был слишком молод, чтобы обратить на это внимание. Ты вообще не думал, что что-то не так.

Когда завершаешь свой шедевр, то поднимаешься с пола и направляешься к маме, сидящей в кресле, чтобы показать ей рисунок. Ты идёшь через всю комнату, а через твои колготки поносного цвета что-то предательски выпирает... Такое пока ещё маленькое, но уже с тенденцией к сепаратизму.

Как ты потом понимаешь, мама далеко не сразу заметила бумажку с рисунком в твоих ручках.

Это что такое, негромко восклицает она, хватая тебя за руку с рисунком, поворачивает к себе задом, и несколько раз шлёпает по жопе ладонью.

Ты вообще не понимал, в чём дело. Отец тогда вступился за тебя. Сказал, мол, это ведь нормально. На что мать отреагировала: в таком-то возрасте?!

Наверное, тот случай во многом и надолго определил твоё дальнейшее сексуальное поведение. Ты усвоил главное: всё, что связано с пипиской – плохо...

Потому, когда ребята в школе на переменах обсуждали в коридоре свои сексуальные проблемы, ты старался держаться от них в сторонке.

Эти разговоры с деловыми лицами у окна в коридоре...

– Я на днях надročил полный спичечный коробок.

– Мой старый носок уже весь чёрствый от малофьи. Я кончаю в него уже почти полгода.

Ты только стоишь в сторонке, но не разговариваешь. Ты не можешь похвастать такими достижениями.

Только слушаешь и молчишь. Мотаешь на ус, но не более того.

Ты даже не знаешь, что там и как... За какую ручку дёрнуть и сколько раз.

Один из твоих одноклассников, Коля Смиренко, самый умный, спокойно говорит ребятам:

– На американском жаргоне «дрочить» – это «jerk» и "jack off". А ещё – "beat off"...

О чём ещё могут говорить девятиклассники? Только о девятиклассниках и способах их отсутствия.

Когда в тот день ты возвращаешься из школы домой, то обнаруживаешь на изнанке своих школьных брюк зачерствшее пятнышко. Такое махонькое... Первый эякулят в твоей жизни. Смесь секретов простаты, семенных пузырьков, куперовых желез, смегмы и не более пяти процентов спермы...

Да, то, что мы называем спермой, спермой является не более чем на пять процентов.

Но ты ничего этого не знал. Да ты и слово «сперма» тогда не слышал. Не от матери же с отцом, которые "про это" вообще никогда не говорили.

С годами всё более крепло твоё мнение о том, что и занимались они «этим» лишь однажды – в момент твоего зачатия. Зажатые, забитые, затюканные... Он – худенький, щупленький и закомплексованный, она – толстая, закомплексованная и глупая.

Такие родители могли воспитать только подобие себя...

Зажатого, закомплексованного, с пятнышком эякулята на штанах.

2

В очередной из вечеров, когда возвращаешься с работы, видишь, что куртки твоего сына нет в шкафу. Тебе известно, что у него не очень много друзей. И в принципе нет таких друзей, с кем он мог бы пропадать вечерами.

Он точно такой, каким ты был в его возрасте – серый, но не как волк, а серый, как мышь.

Всё своё свободное время он проводит дома, играя в компьютерные игры. Во всякие эти "Heroes of might and magic", «Starcraft», "Warcraft" и "Age of empires"...

Как и ты раньше всё своё время проводил за чтением учебников по астрономии, сказок Толкиена и Урсулы Ле Гуинн и корявым рисованием всяких острозубых монстров и рыцарей.

– Где Саня? – войдя на кухню, спрашиваешь у жены, которая варганит у плиты что-то съестное.

– Со своими друзьями по интернету встречается, – бросает жена, быстро глянув на тебя через плечо.

Точно, думаешь ты, усаживаясь за стол и нажимая кнопку чайника. Примерно раза два в месяц сынулька убегает на встречи с теми парнями, что находятся с ним в одном сегменте выделенного интернет-канала. На этих встречах они пьют пиво и треплются об играх, интернете и компьютерных технологиях вообще.

Ждёшь, пока вода в чайнике закипит, встаёшь за стаканом, а сам в это время думаешь: наверняка заходит у них речь и об их половой жизни. Говорят, интернет буквально напичкан порнографией – девочки, мальчики, собачки...

Так что наверняка обсуждают секс и всё, с ним связанное. Но если положить руку на сердце, то оно и к лучшему, вообще-то. Пусть говорят обо всём этом. Пусть делятся опытом. Может, хотя бы тогда у твоего сына будет шанс вырваться из объятий собственной серости. Ты и так уже жалеешь, что однажды навалял ему, когда тот вернулся с одной из таких встреч, и от него несло пивом. Только потом ты подумал, что Саня может ещё больше от этого замкнуться.

Пусть уж лучше пьёт с парнями пиво в подворотне, чем сутки напролёт впотьмах просяживает за компьютером, занимаясь хрен знает чем, наливая себе заварки, думаешь ты.

Хотя, может, он там по порносайтам шарится... Пусть лучше и так, чем просто в игры играет.

Жизненный опыт, он в любом виде хорош – хоть с книжных страниц в виде лирического героя, совершающего благородные подвиги, хоть с экрана компьютера в виде стройной блондинки с тремя толстыми членами во рту и трясущимся далматинцем, пристроившимся сзади...

Жизненный опыт хорош в любом виде.

Ты это знаешь по себе.

* * *

Через несколько дней Нина Васильевна опять вызывает тебя к доске. Ты должен читать Лермонтова. Его "Песню про купца Калашникова".

Ты, как всегда, стоишь и молчишь. Минуту, две...

Серый, как грязь под ногтями.

– Останьтесь после урока, Стебунов, – говорит тебе Нина Васильевна, холодными глазами глядя на горшки с геранью и большими и указательными пальцами обеих рук прокручивая указку.

И ты остаёшься.

– Вы боитесь выступить перед классом, Стебунов? – спрашивает Нина Васильевна, глядя на тебя своими холодными непроницаемыми глазами.

Она сидит за своим учительским столом. Ты стоишь рядом. Смотришь в пол под ногами или на свои выдавшие ещё Исход поношенные кеды.

Ты молчишь.

– Хорошо, – тихо произносит Нина Васильевна и раскрывает перед тобой хрестоматию по литературе для 9-х классов. – Сегодня же вечером вы должны знать...

Её палец утыкается в раскрытую страницу, в стих Байрона "Гяур"...

– Должны знать... – Она задумывается. – Любые шестнадцать строк из этого стихотворения.

Захлопывает хрестоматию и протягивает тебе.

Её холодные глаза смотрят сквозь очки прямо на тебя. Не в твои глаза, потому что они опущены в пол, а на твоё лицо.

– Сегодня же вечером вы должны мне прочесть этот стих, – говорит Нина Васильевна.

Говорит, а сама уже смотрит на шкафы в конце класса, на горшки с геранью, на портреты Пушкина и Лермонтова.

Ты принимаешь книгу из её рук.

– Когда кончатся занятия у второй смены, – говорит она, глядя в другой конец пустующего кабинета, – жду вас у школы. В 18:15...

– Я живу в трёх автобусных остановках отсюда, – добавляет она спокойным равнодушным голосом, глядя на герань и на Пушкина. – Читать будете у меня дома.

Древние верили, что комета на небосклоне – это предвестник каких-то глобальных изменений. Если этот принцип верен, то в тот мартовский вечер 1987-года в Советском небе должна была висеть комета. Огромная такая комета.

Комета Стебунова-Силантьевой...

* * *

Наверное, это несколько странно – лежать на кровати, раздвинув ноги, ритмичными движениями впуская в себя рослого мужика, и слышать при этом от него:

Наверное, это действительно странно, но твоей жене приходится это терпеть. Приходится терпеть декламацию стихов, которые ты когда-то заучил и которые для тебя теперь неразрывно связаны с "этим".

Твоя белокурая жена лежит и тихо постанывает, а ты, активно двигаясь, но при этом, ровно дыша, сопишь над её грудью:

"Было все очень просто, было все очень мило: Королева просила перерезать гранат, И дала половину, и пажса истомила, И пажса полюбила, вся в мотивах сонат".

И нельзя сказать, чтобы с твоей психикой были какие-то особые проблемы. Просто «это» для тебя неразрывно связано с поэзией. С Северяниным, Лермонтовым, Бродским...

Сопишь ты над ухом своей стонущей жены.

Когда «это» случилось у вас впервые, ты, не сдержавшись, начал читать стихи Рождественского. Это было очень странным для твоей жены. Тогда, почти пятнадцать лет назад, когда твоей женой она ещё и не была.

Она спросила, глядя на тебя, сопящего над ней стихи, расширенными глазами: с тобой всё в порядке?

Тогда, в 87-ом, когда около семи часов вечера ты и твоя учительница литературы оказались у неё дома, она предложила тебе чай. Простой чёрный чай.

Надо сказать, ты ожидал увидеть квартиру своей учительницы несколько иной. Более мрачной...

Старые, потёртые временем, гобелены из готических замков, громоздкие шторы с массивными ламбрекенами, свирепые гипсовые гаргулии у каждой межкомнатной двери из дубового массива, подозрительно шурящиеся на нового гостя... И непременно несколько детских трупиков нерадивых учеников из предыдущих школ, нанизанных на крючья в платяном шкафу.

Но ничего этого не было.

Самая заурядная однокомнатная квартира в «хрущёвке», каких в те времена было пруд пруди.

Обычные деревянные двери из шпона, покрытые голубой краской, местами уже обитой. В большой комнате громоздилось пианино «Элегия» с тремя золотистыми педалями, стоящее у самого окна. В той же комнате располагалась и большая кровать, на которой при желании мог разместиться десяток филиппинцев. Рядом с кроватью стоял огромный тёмно-коричневый шифоньер с неременной коробкой ёлочных игрушек и гирляндой наверху, под самым потолком. Между кроватью и шифоньером расположился высокий торшер из двух ламп, прикрытых плафонами из белого пластика.

В общем, всё было совсем не так, как ты ожидал увидеть. Совсем не такое жилище, какое должно быть у дамы с подобной псевдоаристократической манерностью, как у Нины Васильевны.

За столом на маленькой кухоньке, пока твоя учительница, статно держа осанку, наливает вам обоим чай из чайничка с пожелтевшим ситечком, ты сидишь, тупо пялясь в клеёнку, разрисованную коричневыми узорами вперемешку с оранжевыми цветами.

Вообще, в этой квартире всё преимущественно коричневого и тёмно-оранжевого цветов. И от этого всё равно получается мрачно, пусть здесь и нет гаргулий и старых потёртых гобеленов. Всё подстать тёмно-синему твидовому костюму самой Нины Васильевны. Угнетающе.

Ты сидишь за столом, опустив свой взгляд в коричневую клеёнку, а твоя учительница уже налила чай. Она выуживает из шкафчика над газовой плитой вазу с конфетами "морской камушек" и квадратным печеньем и садится за стол, прямо напротив тебя.

С того момента, как ты вошёл в её квартиру, ты ещё не сказал ни слова. Сама Нина Васильевна тоже не особенно многословна. Она сказала лишь "Куртку повесь сюда", указывая на крючки на стене в коридоре, и потом: "Проходи на кухню, будем пить чай". Незаметно она перешла на «ты», отчего властности в её голосе только прибавилось.

И вот уже прошло около пятнадцати минут, а никто из вас ни слова больше не говорит. Очень напряжённое молчание. Уж лучше она хоть что-нибудь говорила, твоя учительница. Хоть то, какой ты бездарный ученик, какой нелепый, неказистый человек. Или то, какой у тебя безвкусный свитер. Особенно эти волнистые узоры на нём. Такие глупые – сиреневые на бежевом.

Да пусть она говорила бы что угодно, лишь бы не было этой гнетущей тишины.

Нерешительно протягиваешь руку к стакану с чаем и неуверенно делаешь глоток.

– Добавь сахару, – приказным холодным голосом произносит Нина Васильевна, а сама стеклянными глазами смотрит в колеблющуюся поверхность чая в своём стакане.

Добавить сахару? Ты бы с удовольствием, но ты не можешь просто пошевелить рукой. Сидишь и пьёшь чай без сахара. И никаких конфет. Взгляд то на клеёнку, то в стакан.

Когда Нина Васильевна в полной тишине допивает свой чай, она говорит тебе перейти в комнату, чтобы читать там заученный отрывок стиха. И ты следуешь за ней.

За окном уже темнеет – начало марта, как никак. Но твоя учительница не включает большой свет в люстре с безмерным числом декоративных стеклянных тарелочек. Она статно

наклоняется, держа спину ровной, и включает торшер у кровати – две полуметровые свечеплафоны вспыхивают желтоватым светом.

Нина Васильевна говорит тебе встать у окна, а сама садится прямо напротив тебя на кровать. Делаешь всё, как она сказала. И вот вы – друг напротив друга.

Ты стоишь спиной к окну, которое всего в метре за тобой. Из-под ровно остриженных прядей волос, свисающих на твой прыщавый лоб, смотришь в пол и левой кистью сжимаешь правую, держа их обе на уровне своих гениталий, будто бы у тебя пенальти перед твоей учительницей.

Нина Васильевна сидит на кровати в метре от тебя. Её колени под твидовой юбкой плотно прижаты друг к другу, кисти рук, сжатые в кулаки, покоятся поверх ног, а взгляд сквозь очки направлен в пол – прям как у тебя.

Годы спустя ты вспоминаешь эту сцену, и она заставляет тебя как-то неуклюже ухмыляться. Так же неуклюже, какими вы оба были тогда – ты и твоя учительница литературы.

Ты – полное собрание всех человеческих комплексов в одном томе, и твоя учительница – почти молоденькая, но со своими тараканами в голове.

Вы находитесь друг напротив друга и оба молчите. Так проходит около минуты. Примерно минута неловкого молчания. Затем Нина Васильевна произносит тихим голосом, который всё же не теряет своей властности:

– Читайте, Стебунов.

По старой памяти переходит на "вы".

Она говорит это, а сама даже не поднимает глаз от пола.

Ты слглатываешь тугую слюну и начинаешь:

Ты декламируешь, сбиваешься, вспоминаешь забытую строку, декламируешь дальше, а пальцы в кулаках Нины Васильевны в это время начинают нервно поигрывать, шевелиться взад-вперёд.

Неловким движением твоя учительница снимает очки и принимается их протирать большим пальцем правой руки, водя по линзам круговыми движениями.

Ты декламируешь, сбиваешься, вспоминаешь... Нина Васильевна трёт свои стекляшки...

Декламируешь, сбиваешься, вспоминаешь... Она всё трёт...

Декламируешь, сбиваешься, вспоминаешь... Она трёт и трёт...

Декламируешь, сбиваешься, вспоминаешь... Она слегка подаётся телом вперёд, протягивает к тебе левую руку. Ты собственными глазами наблюдаешь, как её пальцы слегка отрывают твои скрещенные ладони от области гениталий и касаются выпуклости на твоих штанах из хрен его знает какого материала.

Следующую строчку от неожиданности ты начинаешь повторять, буксуя от волнения на одном месте.

– Взгляд пораженный оторвать... Забудет путь свой продолжать.

Испарина выделяется на твоём прыщавом лбу. Сердце начинает долбиться, как сумасшедшее. Ты чуть ли не заикаешься.

Скрещенными ладонями пытаешься неуклюже отталкивать руку Нины Васильевны от себя, но она опять лезет под твои ладони, плотно прижатые к штанам в районе ширинки.

Всё твоё тело словно немеет. Ничто не движется, кроме рук, которыми ты пытаешься обороняться. Смотришь впереди себя – на шифоньер с коробкой ёлочных игрушек наверху – и руками пытаешься отогнать цепкие пальцы учительницы от своей ширинки.

И при этом ты повторяешь строку из Байрона, засевавшую в твоём мозгу и почему-то не позволяющую тронуться дальше:

– Взгляд пораженный оторвать... Забудет путь свой продолжать.

Тихая паника затуманивает твой юношеский мозг. Совершаешь руками какие-то нелепые резкие движения у своих гениталий, потакая детскому страху в попытках противостоять чужому вторжению на запретную даже для тебя самого территорию.

Ты с раннего детства усвоил простую истину: всё, что связано с пипиской – плохо... Мама тебе в одну секунду всё доходчиво объяснила несколькими шлепками по заднице.

В ушах аж звенит от волнения и напряжения.

Несколько секунд молчаливой борьбы с руками Нины Васильевны и ты "кончаешь".

Очередное пятнышко эякулята на твоих штанах опять гарантировано.

Руки немного расслабляются, и пробегает еле заметная дрожь по лицу. Видимо, твоя учительница всё это замечает. Потому что она сразу же ловко отодвигает твои ладони своими шустрыми длинными пальцами и несколько грубо ухватывается за выпуклость на твоих штанах.

И тогда ты падаешь в обморок... Просто так. Незатейливо.

3

Через два дня у тебя опять урок литературы. Ты его просто прогуливаешь, шатаясь со своим драным портфелем по окрестностям. Лазишь по давно уже ведущимся стройкам высотных домов, а сам всей силой своих юношеских, совсем ещё зелёных мозгов, пытаешься сообразить, что же делать дальше.

С высоты прожитых лет ты понимаешь, что та проблема для пятнадцатилетнего юнца-девятиклассника действительно была неразрешимой. Слишком ты был шокирован произошедшим, чтобы найти хоть какой-то мало-мальски разумный выход, кроме банальных прогулов всех уроков литературы и русского языка.

В тот вечер, когда ты был у Нины Васильевны в гостях, ты приходишь в себя на её кровати. Разгоняя послеобморочный туман перед глазами, ты смотришь то на обои, то на потолок.

Пусть ты и лежишь на кровати, но вся одежда на тебе: и свитер, и штаны, и носки.

Ширинка застёгнута.

Нина Васильевна выходит из кухни и подносит тебе стакан чая. Она присаживается рядом на кровать и говорит, глядя на включенный торшер:

– Вы очень слабы, Стебунов. Вам нужно потреблять больше витаминов.

Приняв сидячее положение и поставив ноги на пол, ты молча принимаешь протянутый стакан из рук учительницы. Делаешь глоток сладкого чая и, глядя в пол, отчётливо понимаешь, что тебе сильнее всего на свете сейчас хочется убежать отсюда.

Или снова упасть в обморок.

– Вам нужно идти домой, – говорит Нина Васильевна, переместив свой взгляд в сторону не задёрнутого окна. – Уже темно.

Когда завязываешь шнурки в коридоре, она говорит тебе, твоей скрюченной спине:

– Приходите завтра в семь часов.

Твои пальцы на мгновение замирают.

– Вы ведь так и не закончили читать Байрона.

Обратно домой ты не бежишь, хотя очень хочется. Ты просто идёшь, как обычно, потупив свой взгляд в самую землю, но при этом тебе кажется, что все прохожие смотрят на тебя – на сопливого пацанчика, который только что круто согрешил. И все эти осуждающие взгляды в твой адрес, все они говорят: как можно, молодой человек, как можно?

Эти взгляды, полные укора, говорят тебе: что скажут родители, если узнают?

Эти взгляды говорят: и как Вы теперь, молодой человек, будете выкарабкиваться из этого дерьма?

Но, конечно же, ты не знаешь ответа ни на один из этих вопросов.

Ты просто бредёшь по тёмной вечерней улице, как сомнамбула, и вокруг только мерещатся осуждающие взгляды.

И всё бы ничего... Ты бы тогда, наверное, пережил бы этот инцидент...

Всё было бы хорошо, но придя домой и ответив отцу и матери, что гулял с друзьями (которых у тебя отродясь не было, и все об этом знали), ты раздеваешься, проходишь в туалет, чтобы опорожнить мочевик, наполненный сладким и не сладким чаем, и обнаруживаешь, что твой юношеский член обильно покрыт чьей-то слюной...

Именно из-за этой слюны ты и начинаешь шариться по окрестным стройкам вместо уроков литературы. Шаришься там неделю, шаришься вторую.

Скоро ты будешь знать все тончайшие нюансы ближайших новостроек – где под лестницей насрано, где спят бомжи и где ловят кайф токсикоманы, оставляя после себя пустые тубики клея «Момент» или грязные тряпочки, пропитанные ацетоном.

Однажды, в очередной раз прогуливая урок литературы, ты забредаешь в лесопарковую зону в вашем районе. Уходишь в неё поглубже и присаживаешься на ствол поваленного дерева. Кладёшь потрёпанный портфель рядом, достаёшь учебник биологии и с угрюмым видом принимаешься готовиться к следующему уроку.

В тот весенний день на тебя надета синяя болоньевая куртка, но погода выдалась в меру погожей, и ты её даже не застёгивал. Под курткой виден твой старый школьный пиджак, к его нагрудному карману прицеплена язычком-держателем металлическая авторучка.

Казалось бы, такая мелочь, но, возможно, именно этот незначительный факт в тот день и спас твою нелепую серую жизнь от бесславной кончины. Ну, или в лучшем случае, спас твоё коричневое юношеское очко от постороннего вмешательства.

В общем, ты сидишь на огромном бревне среди зарослей сосен и всяких мелких кустарников, читаешь цитологию – раздел про устройство биологической клетки.

Ты не сразу замечаешь этого здоровенного детину рядом, одетого в какую-то робу серо-зелёного цвета.

– К урокам, что ли, готовишься? – спрашивает у тебя этот мордатый мужик, опуская рюкзак на землю у одной из сосен.

Ты слегка вздрагиваешь от неожиданности. Мельком и испуганно окидываешь его силуэт взглядом.

– Да, – отвечаешь ты, глядя на незнакомца исподлобья.

– А что за предмет? – снова спрашивает верзила и, как-то недобро улыбаясь, делает в твою сторону несколько тяжёлых шагов, ступая резиновыми сапогами.

– Биология, – тихо отвечаешь ты, глядя на мужика из-под прядей ровно остриженных волос, свисающих на твой прыщавый лоб.

– А, – произносит верзила и довольно улыбается. Он уже стоит в полутора метрах от тебя. – Биология – вещь полезная...

Ты вновь опускаешь глаза в учебник и пытаешься читать, но две огромные лапы в резиновых сапогах всего в полутора метрах от тебя, попадающие в пределы твоего периферического зрения, не дают покоя.

Они настораживают и пугают.

Водишь по тексту учебника глазами, но никак не можешь себя заставить понимать смысл написанного. А верзила стоит рядом и молчит.

Так продолжается, наверное, целую вечность. А если объективно, то секунд пятнадцать-двадцать. Потом мордатый мужик произносит:

– А я к себе в сад иду.

Он машет рукой куда-то в сторону, где через сотню сосновых метров и через дорогу действительно стоят садовые участки, и добавляет:

– Да вот что-то поссать захотелось...

Верзила в садовом камуфляже говорит тебе всё это, а сам и с места не шелохнётся.

Ты сидишь читаешь учебник.

Верзила стоит рядом и смотрит на тебя.

Ты сидишь читаешь учебник.

– А ты, парень, поссать не хочешь?

Бац...

Сидишь, читаешь учебник и тебе становится как-то страшновато от таких вопросов.

Рибосомы, лизосомы, митохондрии...

– Не хочешь? – настойчивее спрашивает верзила, слегка склоняя к тебе голову.

Рибосомы, лизосомы, митохондрии...

Ты весь словно сжимаешься внутри от страха.

Мужик несколько мгновений ждёт твоего ответа, и затем вслух добавляет:

– А я possu...

Ты читаешь учебник, низко склонив голову, и видишь, как резиновые сапоги проходят мимо тебя и направляются к одной из сосен.

Чтобы облегчиться, мужик не встаёт к тебе спиной. Он поворачивается слегка боком, ровно так, чтобы было видно тебе, достаёт свой прибор и принимается обильно смачивать чёрствую кору многолетнего дерева.

Ты наблюдаешь всё это исключительно периферическим зрением, потому что на деле ты читаешь:

Рибосомы, лизосомы, митохондрии...

В жизни бывает так, что ощущаешь на себе чей-то взгляд. И боковым зрением тебе даже кажется, что этот конкретный человек смотрит прямо на тебя. Но в большинстве случаев, когда ты набираешься смелости обернуться к нему, выясняется, что смотрит он не на тебя, а куда-то мимо.

Но вот тогда, много лет назад, когда ты, будучи сопливым затюканным девятиклассником, сидел в том лесном массиве... Ты готов поклясться, что тот верзила, пока поливал мощной струёй сосну, смотрел прямо на тебя. Держал лапищами свой здоровенный прибор, ссал на дерево и внаглую пялился на тебя, сопливого затюканного пацанчика.

Периферическое зрение не могло тебя подвести. Ты готов в этом поклясться даже годы спустя. Даже двадцать лет спустя.

А тогда ты сидишь читаешь учебник...

Рибосомы, лизосомы, митохондрии...

Замечаешь, что мужик прекращает ссать, поворачивается и медленно так, вразвалочку, направляется в твою сторону.

Что-то мимолётное кажется тебе странным в его походке. Поднимаешь глаза и через прямые пряди своей чёлки видишь, что мужик направляется к тебе, так и не убрав член в штаны.

Он держит его своей правой лапой, плотно обхватив по кругу, потряхивает им снизу-вверх, будто сбрасывая оставшиеся капли мочи. И, совершая всё это, он идёт к тебе.

Если бы ты тогда был чуточку посмышлёнее, то тот факт, что член в руке мужика почему-то был в полуэрегированном состоянии, заставил бы тебя мгновенно ломануться со своим дражным портфельчиком прямо через кусты малины и плотные заросли крапивы и бежать до ближайшего места с живыми людьми.

Но ты тогда не был достаточно смышлённым во всех тонкостях половой сферы. И тот факт, что в руке у мужика почему-то вдруг оказался полуэрегированный член, не внёс в твою мальчишескую голову дополнительных беспокойств.

Тебя просто сильно смутил уже сам факт того, что в тихом местечке незнакомый дядька гориллоподобной наружности и так и сяк ненавязчиво демонстрирует тебе предмет своей сомнительной мужской гордости, о котором ты даже думать боишься, не то что уж демонстрировать его проходим.

Верзила останавливается всего в двух метрах от тебя. Он продолжает трясти членом снизу-вверх, по кольцу зажатым в ладони.

– Ты, парнишка, точно поссать не хочешь? – спрашивает мужик, свысока глядя на тебя и стряхивая с члена капли мочи, которых там давно уже нет.

Ты опять опускаешь глаза в учебник и пытаешься читать там:

Но твоё сердце бьётся в груди с такой силой, что ты от волнения даже двух слов разобрать не можешь.

– А то пошёл бы поссал, – всё не унимается мужик.

Ты сидишь, якобы читаешь...

Внутри тебя всё трясётся, но снаружи ты, видимо, само спокойствие.

Верзила стоит перед тобой с членом в руке ещё несколько секунд. Затем он с досадой принимается убирать его в прореху своих дачных штанов.

Но на душе твоей легчает лишь чуть-чуть.

Ты, совсем зелёный пацан, закомплексованный, зажатый и серый, но не как волк, а как мышь, сидишь, жутко ссутулившись, на бревне в глубине лесопарка и делаешь вид, будто читаешь биологию. А всего в двух метрах от тебя стоит огромный мужик, только что как бы невзначай размахивавший своим членом у самого твоего носа. В лесном воздухе чувствуется не запах начатого дня, а повисшее напряжение.

Мужик убирает руки в карманы своего дождевика и ещё некоторое время продолжает на тебя смотреть.

– А ты чего ручку на карман цепляешь? – говорит он.

Косишься на нагрудный карман своего школьного пиджака, к которому прицеплена металлическая авторучка.

– Зря так делаешь, – говорит мужик.

Якобы рибосомы, якобы митохондрии...

Мужик говорит: а то споткнёшься и сам же на ручку упадёшь.

Ты сидишь, якобы читаешь.

Он говорит: убери её лучше в портфель.

Сидишь, якобы читаешь.

Говорит: от греха подальше.

Внутри тебя сковывает столь сильный страх, что ты теперь просто не сможешь ломаться отсюда прочь через кусты.

Твои ноги словно наливаются бетоном.

– Сам же и поранишься, на фигу тебе это? – говорит мужик, засунув руки в карманы своего дождевика.

Он стоит перед тобой и будто бы ждёт ответа. Эта горилла стоит рядом и смотрит на тебя сверху вниз.

– Нет, – доносится хриплый голос из твоей пересохшей гортани.

Мужик, наверное, не ожидал услышать такой грубый голос от пацана твоего возраста. Всё дело в пересохшей глотке, но ему этого знать не надо.

Секунду он растерянно соображает, что сказать. И говорит:

– Ну так тебе же лучше будет. За тебя же беспокоюсь...

– Нет, – ещё раз хрипло отвечаешь ты. Внутри тебя всё напрягается. Ты не знаешь, что может быть дальше. И внутренне ты готовишься к чему угодно...

А мужик возьми да и скажи:

– Ну и ладно.

Он разворачивается, подходит к своему рюкзаку. Поднимает его, закидывает на плечо и, растерянно ухмыляясь, говорит:

– Странный ты какой-то, пацан.

Это тебе говорит мужик, который только что ссал, глядя на тебя.

О твоей странности тебе говорит мужик, который минуту назад размахивал членом почти у самого твоего носа.

– Ладно, я пошёл... Учись, давай, – говорит тебе верзила и удаляется по тропинке меж сосен и кустарников.

Как только спина в дождевике и с рюкзаком исчезает из поля зрения, ты сразу же собираешь все свои манатки и валишь из леса. Несколько раз даже возникало желание побежать сломя голову. Но ты всё же шёл ровно, с трудом переваривая случившееся.

Такого страха ты не испытывал никогда в жизни.

Это без преувеличения.

В голове возникает даже какой-то туман от пережитого стресса.

В конце концов, ты не выдерживаешь и по тропинке сломя голову несёшься к школьному стадиону.

4

Твоя осведомлённость о половой сфере человека и физиологических отличиях мужчины и женщины в твои пятнадцать лет была поразительной. Ты не знал почти ничего. Только самые общие факты.

Ты мог нарисовать голого мужчину. Очень приблизительно мог нарисовать голую женщину. Вот, в принципе, и всё.

А что там дальше, ты не в курсе.

Твоё знание сексуальной сферы человека ограничивалось тайным зашифрованным стишком, который ты услышал в девять лет от ребят во дворе.

Ложись на поле боя, Звони в колокола И суй свою морковку В пещеру Арара...

Ты и не полагал, наивный пацанчик в шортиках, что за этими словами кроется хоть какое-то символическое значение.

Когда в девятом классе, вас собирают в кабинете физики для общей фотографии, всех расставляют, как положено для таких снимков.

Первый ряд – девочки, сидящие на стульях.

Второй ряд – девочки в полный рост, несколько мальчиков и ваша классная руководительница в самом центре.

И третий ряд – исключительно мальчики, стоящие на стульях.

Всего двадцать семь человек.

Ты стоишь во втором ряду близ классной руководительницы – учительницей физики преклонных лет. Прямые пряди лоснящихся волос свисают на твой прыщавый лоб...

Фотограф делает несколько снимков и уходит.

Девочки убегают в коридор.

Мальчики, расставьте стулья по местам, говорит ваша учительница и тоже выходит из кабинета.

Ты берёшь два стула сразу и несёшь их к пустующим партам. В этот момент по кабинету разносится чей-то удивлённый вскрик. Ты оборачиваешься.

Это один из парней. Он стоит у стула из первого ряда, на котором фотографировались сидящие девчонки. Он растерянно улыбается и показывает всем на поверхность стула.

На нём виднеется пятно крови. На стуле, где сидела одна из девчонок.

– Офигеть! – якобы истерично выкрикивает кто-то из парней, улыбаясь при этом.

– Кто здесь сидел? – через улыбку и удивлённые глаза спрашивает другой.

– Вроде бы, Потехова, – отвечает третий.

– Точно Потехова! – восклицает четвёртый.

И все ребята стоят, сгрудившись вокруг стула, и с улыбками до ушей смотрят на пятнышко крови, оставленное после себя девочкой по фамилии Потехова.

Её звали то ли Ниной, то ли Галей, то ли Лидой – через годы ты уже и не упомнишь.

Но и спустя всё это время ты не забудешь удивлённо-восторжённые лица улыбающихся парней и то, как они разглядывают стул и произносят странные слова.

Одни, как заклинание, говорят: течка.

Другие говорят: потекла.

Третьи: менструация...

Тогда ты ещё не знаешь значения этих слов. Для тебя это простая абракадабра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.